

25 декабря в рамках дискуссии «Литература и филология: XXI век. Опыт диалога» была обсуждена тема «**Метафизическое направление как основной вектор современной культуры и способ пребывания внутри ее проблематики**». Дискутанты — **Борис Владимирович Дубин**, переводчик, культуролог, и **Марк Алексеевич Шатуновский**, поэт, публицист. Сначала писатель и переводчик **Александр Давыдов** представил сборник «Новый метафизис» (М.:НЛО, 2012). Авторами этого сборника являются А. Давыдов, А. Тавров, А. Аристов, А. Иличевский, В. Месяц, И. Кутик и др.

Затем о сборнике и высказали свое мнение дискуссионты.

Марк Алексеевич Шатуновский озаглавил свое сообщение «БЛАГОРОДНЫЕ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ». Он отметил, что на наших глазах культура лишается остатков своего институционализма. Власть добывает ее последние формирования. Ведутся достаточно эмоциональные споры о том, насколько это оправданно. Но можно только заблуждаться на тот счет, что разрушив институции уже несуществующего государства, можно сохранить сформировавшиеся в этом же прекратившем свое существование государстве институции культуры.

Сама по себе культура, по мнению докладчика, все больше напоминает потерявшее целостность государство. Она деградировала в конгломерат раздробленных удельных образований, сформировавшихся из осколков некогда чего-то целостного, а именно из до конца еще не истребленных остатков институций, экспертных сообществ, даже из отдельных интеллектуалов или сколько-нибудь значимых нынешних авторов. Внутри этих феодальных образований действует своя система ценностей. Составляется свой синодик авторитетов.

Но, что авторитетно в одном уделе, не имеет полномасштабного хождения в другом. У своего заочного товарища по Живому Журналу, главного редактора «Нового мира», М. Шатуновский увидел приведенную им коротенькую цитатку из интервью Дмитрия Быкова, наглядно характеризующую сложившееся положение вещей. «Я не знаю в современной русской литературе ни одного текста, кроме моих произведений разумеется, который бы отвечал на интересующие меня вопросы», — заявляет Быков. То же самое, по мнению выступающего, мог бы утверждать практически любой современный автор, имея в виду в том числе произведения самого Быкова. М. Шатуновский сказал, что на просторах интернета он все чаще натывается на признания различных небезызвестных литераторов, что ими не читаются и у них не вызывают никакого интереса даже самые признанные и оригинальные современные авторы, лауреаты всевозможных премий и лидеры неуклонно скуднеющих продаж. То же самое он может сказать и об экспертных сообществах. Каждое экспертное сообщество, по его мнению, опирается на свой синодик значимых произведений. И через выпяченную нижнюю губу отзывается о синодике соседнего удельного сообщества. Все это напоминает локальные валюты, имеющие хождения только на определенной территории, но практически теряющие свою покупательную способность на соседней.

Такое фрагментированное поле культуры имеет следствием потерю конвертируемости и возникновение культуртрегерской диспропорциональности, о чем еще в 1996 году в своем интервью высказывался философ Александр Пятигорский. В частности Пятигорский говорил: «О нынешней мании культуртрегерства, — я не говорю, что это плохо. <...> Вот эта мания перевода, мания ознакомления русского читателя с тем, что делается на Западе в

философии, с культурной точки зрения прекрасна! Но с чисто философской позиции я бы сказал, что это просто плохо! Плохо потому, что ты невольно оказываешься опять оторванным от возможностей своего собственного философствования. Попытка такого синхронного (правда, с запозданием на 25 лет) ознакомления с современной европейской культурой очень двусмысленна и опять ведёт к культурной переразвитости, к аномалии культуры». Шатуновский отметил, что далее почтенный философ вдруг забывает о не знающем нормы и удержу культуризм и перескакивает на рассуждения о вреде нормативности культуры, с очевидностью отождествляя одно с другим через то, что он определяет как имевшую место в бывшем СССР «обязательность» культуры. А именно, Пятигорский продолжает: «Я это понял, только приехав в Англию. Ни одному англичанину не придёт в голову, например, сказать: «Ах! Вы не читали Диккенса! Вы совершенно некультурный человек». В то время как в России: «Вы не читали Достоевского? Да вы с ума сошли! Как можно не читать Достоевского?» Я не знаю, читал ли каждый пятнадцатый англичанин Диккенса, но он ответит вам: знаете, друг мой, да мне просто не хотелось читать Диккенса, Киплинга и т. д.». «Наша «обязательность» культуры», – утверждает Пятигорский, – «на самом деле очень сильно снижает рефлексивный потенциал человека. Это действительно очень важно. В особенности в отношении к языку. В СССР существовала единая культурная норма русского языка, что для страны в целом губительно. Скажем, когда Горбачёв произносил речь, русский интеллигент говорил: у него южный акцент. Да любой член английского парламента и любой министр может говорить — йоркширец на абсолютно никому не понятном йоркширском наречии, девонец говорит с девонским акцентом и т.д. Потому что нет единой культурной нормы. Более того, с точки зрения английского индивидуализма её и не должно быть, это моё личное дело, а не культуры, как я говорю, — меня не за акцент в парламент выбирали».

И, наконец, Пятигорский делает следующий вывод: «На мой взгляд, отношение к неправильному или местному диалекту в России отражает культурную ситуацию в целом. В России господствует единая культурная норма языка, что тоже является монистической предпосылкой, ограничивающей возможности выражения индивидуального мышления».

Сам Шатуновский считает, что можно оставить на совести теперь уже покойного философа, в далеком 1974 году приехавшего на Запад и обнаружившего там вместо строго единообразных англичан всевозможных йоркширцев, девонцев и прочих, что его так поразило это разнообразие. Оно стало ему милее нормативности и в результате он противопоставил их друг другу. Сегодня, считает докладчик, у нас самих хватает примеров раздробленности и необязательности нашего отечественного культурного поля. Необходимость читать Достоевского и у нас уже ставится под сомнение, а школьное гуманитарное знание безжалостно редуцируется. По его мнению, теперь уже очевидно, что проблема не в противопоставлении разнообразия и нормы. Отсутствие нормы ведет к уменьшению разнообразия, как и редукция разнообразия – к дискредитации нормы. Норма и разнообразие не враждебны друг другу. На самом деле, они привязаны друг к другу и сами по себе не способны уничтожить друг друга. Но то и другое – и норма, и разнообразие, – чахнут в условиях сворачивания самой культуры, ее влияния в современном нам мире.

Культуртрегерство характерно совсем не для столь уж однозначной в бывшем СССР «обязательности» культуры. Наоборот, все возрастающая

необязательность культуры последнего времени вызвала к жизни культуртрегерский снобизм. И теперь, чем выше культуртрегерская значимость тех или иных текстов, тем ниже способность их потребителей к собственной авторской оригинальной рефлексии. Проще говоря, человек культуры сегодня в большей степени способен говорить о написанном другими, чем говорить от себя. Культура увязла в репрезентации и утратила способность презентации.

Как представляется Шатуновскому, его товарищи из только что вышедшего в НЛО сборника «Новый метафизис» остро переживают эту современную недостаточность презентации культуры. Вот почему их пафос и негодование направлены против постмодернизма, который редуцировал культуру до пустой репрезентации, до пресловутых симулякров третьего уровня, не предполагающих никакой презентации. Для постмодернизма, считает докладчик, характерна бесконечная саморепрезентация. И Александр Давыдов объявляет ее исчерпанной. А Андрей Тавров определяет как «закавычивание» и предлагает раскавычить культуру или «расплавить цитату». На первый взгляд, это представляется вполне оправданным. Из самых лучших побуждений объединенные «новым метафизисом» авторы хотят восстановить презентацию культуры, целостность культурного поля. Ввести такую не вызывающую сомнений валюту общего пользования, которая бы преодолела удельную раздробленность современной культуры. Предложить читателю такие тексты, презентация культуры в которых не вызывала бы сомнений.

В понимании М. Шатуновского, «новый метафизис» предлагает сосредоточиться не на репрезентации, а на презентации самой культуры. Как ему кажется, это то, что имеет в виду Андрей Тавров, призывая современных авторов «рассказывать что-то», т.е. презентировать, а не «рассказывать о чем-то», т.е. репрезентировать.

Чтобы лучше понять разницу, докладчик предложил для примера метафору «фальшивомонетчиков». По его мнению, лучше всех разницу в презентации и репрезентации понимают фальшивомонетчики. Деньги служат репрезентации. Они представляют собой эквивалент обладающего некой презентацией совокупного богатства. Сами по себе они не являются этим богатством, а только репрезентируют его. Каково это богатство – никто не знает. Сегодня экономисты всего мира ломают над этим голову и не могут определить реальный номинал диспропорционально, совсем как культуртрегерство, разросшейся финансовой массы. Т.е. презентация того, что репрезентируют деньги, – величайшая загадка современности. Постмодернизм давно уже перешагнул рубежи культуры и шагнул в экономику и политику.

Но для фальшивомонетчиков это не проблема. Пусть презентация того, что репрезентируют деньги неизвестна. Зато известно, в чем состоит презентация самих денег. И фальшивомонетчики изо всех сил совершенствуются в имитации этой презентации, в том, чтобы изготавливаемые ими фальшивые купюры по своим типографским качествам не уступали настоящим деньгам. Подобно фальшивомонетчикам «новый метафизис» предлагает игнорировать сомнительную репрезентацию и сосредоточиться на презентации культуры.

Но представители «нового метафизиса» – это не совсем обычные фальшивомонетчики. Это благородные и исполненные высокопробного идеализма фальшивомонетчики. Они совсем не стремятся подделать имеющую хождение валюту и побыстрее, пока их не поймали, приобрести на нее всевозможные блага. Их задача вообще совсем не в том, чтобы подделать эту

жалкую имеющую неполноценное хождение нынешнюю валюту. Они со всем свойственным им пафосом и перфекционизмом вознамерились создать превосходную по своим качествам валюту. Само обладание ею, держание ее в руках, ни с чем не сравнимые достоверное шуршание и хруст ее купюр, ее печать, ее водяные знаки должны создавать ощущение несомненной подлинности.

Согласно М. Шатуновскому, смысл такой валюты в том, чтобы она была куда качественней многочисленных валют, имеющих хождение в деградировавших удельных княжествах раздробленного государства современной культуры. Поддельность такой превосходно исполненной валюты легко определить именно благодаря тому, что она несравненно качественнее имеющих хождение валют. Лучше бумага, на которой она напечатана, ее водяные знаки и графический орнамент – образец высокого мастерства. Ее единственный недостаток в том, что ее хождение ничуть не менее, если не более ограничено. Это настолько превосходная валюта, что на нее ничего нельзя купить в нашем брэнном мире. Разве что она настолько превосходна, что на нее можно будет купить надел в Царствии Божьем. Но так ли это, в этой жизни мы никогда не узнаем.

«Может сложиться обманчивое впечатление», – сказал М. Шатуновский, – что я невысоко ставлю авторов «нового метафизиса». Это не так. Буквально на позапрошлой неделе ко мне обратились из одного интернет-издания с просьбой составить список из трех самых значительных поэтов нашего времени. Я отказался. Я бы не смог свести современную мне поэзию всего только к трем поэтам. Тогда согласились на то, чтоб я назвал больше. Я составил список из семи. Одним из этого списка был Андрей Тавров. Александр Давыдов просто мой личный друг. И я с неподдельным интересом и особым вниманием отношусь ко всему, что им пишется. Владимир Аристов и Илья Кутик вообще мои старые товарищи по метареалистической молодости. Вадим Месяц и Александр Иличевский и вовсе сегодня настолько влиятельные литераторы, что тут нечего обсуждать. Проблема не в них. Она характерна для всей культуры в целом».

Развивая метафору «фальшивомонетчиков», докладчик далее высказал мысль, что безупречная презентация денежных знаков не способна компенсировать неразбериху с презентацией того, что эти денежные знаки репрезентируют. Все-таки дело не в качестве купюр, а в качестве их соотношения с тем, эквивалентом чего они являются. Какие бы безупречные в своем совершенстве купюры ни изготовили фальшивомонетки, превзойдя штатных специалистов всех монетных дворов мира, с их помощью все равно невозможно оздоровить экономику и восстановить критически пошатнувшийся баланс в соотношении презентации и репрезентации. Точно так же для восстановления полномасштабной функциональности культуры недостаточно текстов, рассказывающих самих себя, культуры, ищущей резервов в самой себе.

Ведь с проблемами саморепрезентации культуры, считает Шатуновский, совсем неплохо и даже, прямо скажем, блестяще справлялся и постмодернизм. Вот почему «новый метафизис» представляется ему недалеко ушедшим от постмодернизма. Сколько бы он от него не отрекся, «новый метафизис» является его прямым продолжением с той только разницей, что постмодернизм балансирует на зыбкой грани несоответствия презентации и репрезентации, в то время как «новый метафизис» предлагает вовсе отказаться от репрезентации. Проще говоря, постмодернисты подделывали деньги, чтобы пустить их в оборот

и нажиться. А «новый метафизис» подделывает деньги из любви к купюрам как к артефакту, а совсем не как к деньгам, наделенным меркантильной стоимостью. И в этой своей любви достигает несомненных успехов. М. Шатуновский отметил, что он высоко ценит то, что пишут его товарищи из «нового метафизиса». Но то, что они пишут, не выходит за пределы саморепрезентации культуры, свойственной постмодернизму.

По мысли выступающего, в текстах авторов «нового метафизиса» катастрофически не хватает презентации реальности. И пусть с презентацией культуры у них все в порядке, но реальности нельзя навязать заимствованную у культуры презентацию. Перефразируя Андрея Таврова, он может сказать, что никакая плотва не заплывет в текст и не совершит в нем свой «серебряный вираж». Нужны серьезные основания, чтобы искать в тексте завораживающий сферический косяк искрящейся плотвы, а не просто включить телепрограмму «Animal Planet» или даже надеть акваланг и нырнуть в море. Для этого мало одной голой экспрессивности. Ведь что такое «расплавленная цитата», как не голая экспрессивность. Что вытекает из плавильного тигля, где расплавляются ее кавычки, как не самой чистой пробы постмодернистская гиперреальность. Та самая гиперреальность, что совсем так же, как «новый метафизис», претендует на большую реальность, чем сама реальность. Чей виртуальный антураж заставляет смотреть даже такую лабуду, как пресловутый «Аватар».

В подтверждение своей мысли М. Шатуновский предложил слушающим проанализировать, к примеру, начало первоклассного стихотворения Андрея Таврова «Предтеча»:

Он взвалил на себя неба избу со звездой
и вошел в пустыню в шорохах, в тишине,
и коломенской встал колокольней, сухой верстой,
и верблюжья зажглась луна — репьем в камнях, в вышине.

Что стоишь, верблюд, небо ноздрей шевелишь,
захребетную воду пьешь, семимильный пасешь глагол,
и Европу не глубию волны — из Бога с репьем творишь,
как песок просеян, и гол, как в костре сокол.

Здесь, на взгляд Шатуновского, происходит не преобразование евангельской метафизики, а ее некоторая переатрибутация, точнее даже спецэффектизация. Согласно традиции одетый в верблюжью шерсть Иоанн Предтеча сам становится верблюдом и своей ноздрей шевелит небо. Вот эта шевелящая небо ноздря – великолепная в своем монументализме эпическая метафора. Но эту ноздрию без потерь в содержании и великолепии легко отцепить от святого и прицепить, скажем, коню другого святого, пронзающего копьём змия, а можно отцепить от коня и прицепить змию, выползающему на битву со святым. Атрибут приобретает самостоятельность и становится важнее, чем то, что им атрибутируется. Совсем как в «Аватаре», где зрители приходят смотреть кино не из-за кочующего из фильма в фильм предсказуемого сюжета, в финале которого главный герой и главный злодей схлестываются в смертельной схватке, а из-за наворачивающихся на этот незамысловатый сюжет невиданных спецэффектов.

Но Евангелие – не сюжет, который, как сюжет «Аватара», нуждается в новых спецэффектах. Трансцендентальное – это вообще не спецэффекты. По

он все еще помнит эту томительную тень от лестницы, прислоненной за дверь. Он не знает, где эта дверь, и лестница, скорее всего, давно уже за ней не прислонена. Но он точно знает, что она существовала, и теперь ее не найти нигде, кроме этой поэмы. Для него она продолжает существовать как нечто совершенно достоверное, находившееся в некоей мгновенной точке пространства-времени, давно уже стертой бесконечной и непрерывной изменчивостью реальности, но от этого не ставшей менее достоверной, менее реальной.

Свидетельство – это и есть трансцендентализация реальности. Презентация реальности невозможна без ее трансцендентализации. Она метафизична постольку, поскольку нет такой реальности, которую можно охватить всю без остатка и предъявить как несомненное доказательство. Грубо говоря, деньги беспрепятственно функционируют только тогда, когда мы верим, что их номинал находится в глубоком соответствии с реальностью, а не с достоинствами их печати. Хотя достоинства печати тоже вещь немаловажная. Но, с другой стороны, мы все дальше движемся в сторону электронных, а не печатных денег.

Когда-то вещи, по мнению Шатуновского, казались чем-то более надежным, чем сейчас. Представления, скажем, Птолемея об устройстве Вселенной сохранялись тысячу лет. Платяные шкафы столетиями стояли в одних и тех же домах на одном и том же месте и передавались по наследству. Внуки донашивали пронафталиненные пальто своих дедов. Сегодня изменчивость реальности лишила нас способности воспроизводить реальность как нечто очевидное. Это и произвело симулякры. Кажется, остались только оболочки имен, которыми называются исчезнувшие, изменившие самим себе предметы.

Но если, считает докладчик, мы находим в себе силы свидетельствовать, то даже такая ничтожная мимолетность, как «отсвет стены, хранящей дрожание тени гвоздя», оказывается непреходящей. Реальность не исчезла. Она просто оказалось другой, нежели та, какой ее себе представляли до нас. Она теперь не скопище неизменных предметов, а постоянно трансформирующаяся композиция из бесчисленного множества взаимопроникающих и непрерывно меняющихся и меняющих друг друга феноменов. Но это не значит, что мы не можем больше дотянуться до нее, засвидетельствовать достоверность ее изменчивости. Просто мы имеем дело с другой достоверностью, а не с обманчивой игрой симулякрово-атрибутов.

При этом симулякры и атрибуты имеют свою несомненную вещественность, которая коренится в презентации культуры. Спецэффекты выглядят реальней самой реальности, особенно если смотреть их в кинотеатре «три-дэ» через специальные очки. Но значит ли это, что мы должны верить в спецэффекты. Вот почему ссылка «нового метафизиса» на овеществляющую силу «слова кудесника» представляется по меньшей мере спекулятивной. Это все равно, если бы кудесник пообещал нам сотворить чудо, а мы увидели, что это фокус. Но в ответ кудесник обвинил нас в неверии, в том, что мы неспособны увидеть чуда по причине недостатка у нас веры. Или даже в том, что чуда не произошло исключительно из-за отсутствия у нас веры.

Разумеется, существует вероятность неузнанности. Может быть, можно не узнать чуда, если в него не верить. Хотя чудеса Христа были настолько бытовыми и очевидными, что, чтобы видеть их, не требовалось особой веры. Это и привлекало к нему множество народа, а не только непосредственно тех,

чья вера снискала эти чудеса. Потому, видимо, никто из современных Иисусу недругов – персонажей Евангелия – не отрицал его чудес, а от безысходности просто числил их не по божественному, а по еретическому ведомству. Все-таки если простые смертные не могут опознать чудес кудесника, скорее, что-то не так с кудесником, а не с простыми смертными. И сетования о замалчивании «нового метафизиса» его авторам надо адресовать прежде всего самим себе.

Вот почему призыв Александра Иличевского «верить в слова» тоже представляется М. Шатуновскому по меньшей мере спекулятивным. Он при этом заявляет, что верит в силу слова, особенно в силу того слова, которое пишется с большой буквы. Но это совсем не то же самое, что верить в слова Иличевского. Хотя у Иличевского есть достаточно оснований верить в силу своих слов. Вообще любой литератор, даже не имеющий таких же, как Иличевский оснований, безусловно, имеет право верить в силу своих слов. Но, по мнению Шатуновского, наивно думать, что этого достаточно, чтобы его словам не то, что верили другие, но чтоб их хотя бы прочли.

Вслед за М. Шатуновским выступил **Борис Владимирович Дубин**. Он вспомнил об истории группы поэтов и писателей, произведения которых вошли в сборник «Новый метафизис». В частности, это исходное поэтическое направление метареализма (конец 1970-х - начало 1980-х), журнал «Комментарии», издающийся с 1992 года, и книжная серия «Русский Гулливер», которая выходит в издательстве «Наука» с 2005 года. КRYPTOавторитетами и ориентирами для авторов сборника были, по мнению, Дубина, А. Парщиков и, отчасти, С. Соловьев. Близки им также поиски И. Вишневецкого, С. Стратановского, С. Завьялова, особенно в последние годы. Таким образом, авторы «метафизиса» составляют одну из «линий» неофициальной и неподцензурной культуры, существующей эпизодами и воспроизводящейся «на полях» в связи с трудностью институционализации. Группа авторов «Нового метафизиса» соединяет два соседних поколения: в основном, она представлена поэтами и писателями, родившимися в 1950-х годах, но в ней также есть авторы 1970-х годов рождения. Поэтому перед этой группой со всей очевидностью встает проблема «третьего поколения», т.е. проблема создания и поддержания традиции.

Заявленными оппонентами группы являются, по мысли докладчика, массовая культура («ширпотреб») и постмодернизм (Пелевин, Сорокин), поскольку и те, и другие фактически упраздняют сакральное, а также сфера политики, которая, напротив, претендует на тотальную и безальтернативную оккупацию сакрального.

Основные элементы программы авторов «Нового метафизиса» согласно Б.В. Дубину: литература как теология, «чувство присутствия чего-то другого в мире», «новые смыслы, базовые ценности», а также, как пишет А. Давыдов, «рождение большого стиля... на окраине современной цивилизации» и «открытая элитарность».

«Новый метафизис» представляет собой, по мысли Дубина, сборник программных высказываний и манифестов в поэзии и прозе. При этом докладчик считает целесообразным отделять *поэзию*, для которой метафизичность, в какой-то мере, естественна, от *прозы*, которая привязана к реальности либо впадает в аллегоризм, и от собственно *манифестов*. В этом смысле ключевыми «болевыми точками» этого проекта являются: эсхатологическая симптоматика конца (света и др.), апелляция к целостности, включение не-поэзии в поэзию, обращение к архаике (например, «гомеровский

проект» В. Месяца), тяга к утопии, новый образ человека (сверхчеловек, метачеловек, революционер, ребенок и др.). В сборнике также заявлены, как считает Дубин, следующие положения: некоторое отторжение от письменности, «культуры письма», особая роль устной речи вместе с метафизикой места (здесь поиски авторов перекликаются с другими геопоэтическими «заявками» – Крымом, Уралом, Сибирью, Севером – характерно, что всё это не центр – Москва, Петербург, а «окраины», в том числе – «национальные»).

В заключение Б.В. Дубин подвел итог сказанному: он считает, что проект «Нового метафизиса» в своих притязаниях является, во-первых, *постсоветским*, поскольку в нем говорится о конце иллюзий, связанных с возможностью «перехода», «транзита», во-вторых, *российским* (при этом Россия в нем понимается не как империя, а как цивилизация, что в нынешней ситуации достаточно ново), в-третьих, *государственническим* (в нем заявлены «государствообразующая функция литературы» (В. Месяц) и «большой стиль» (А. Давыдов)). Проект также, по мнению Дубина, характеризуется не-христианской, точнее – до-христианской направленностью (отсюда – особая роль архаики) – он по своей сути евразийский, в нем велика роль Востока, особенно Индии; в целом же, авторы пытаются ориентироваться не на Запад, США и т.п., а на новых, внезападных коллективных субъектов уже XXI века – Индию, Китай. В своей временной перспективе «Новый метафизис» соединяет архаику и утопию (ср. «архаисты-новаторы», по Ю. Тынянову), в пространственной – литературу и более широкие культурные системы (цивилизацию, религию, науку). И тут авторы как бы перекликаются с О. Мандельштамом, выдвинувшим фигуру нового поэта, в стихах которого поют уже не соловьи и розы, а целые культуры и цивилизации.

Все перечисленное говорит о том, что авторы «Нового метафизиса» заявляют еще об одной попытке вхождения в «большой» мир, но не путями XIX и XX веков (если говорить об идеологии). Вместе с тем их сборник является симптоматичным, выражая ситуацию, когда литература в очередной раз теряет свою «центральную», «фокусирующую» роль в обществе (не исключено, что это происходит в связи с уходом интеллигенции, падением тиражей журналов и книг, коммерциализацией печати и аудиовизуальной сферы, воцарением интернета и т.д.).

Опасными для проекта Б.В. Дубин считает ориентированность ее авторов на государственничество (и даже имперство), фундаментализм (изоляциялизм), разрыв между программой (риторикой) и словесностью (практикой). Отдельную сложную проблему составляет задача воспроизвести импульс обновления (иначе российская история предстает как «цепь эпизодов без продолжения», как «короткие ряды традиции» (Ю. Левада)). Он также отмечает опасность разрыва внутри группы и между поколениями.

Оба выступления вызвали много вопросов для обсуждения. Активное участие в дискуссии приняли **А. Давыдов, Е. Вежлян, К. Корчагин, Ю. Троицкий, Н. Азарова** и др. В частности, Е. Вежлян сказала, что сборник «Новый метафизис» в очередной раз объединил группу авторов, о которой ей уже доводилось писать. Она называет их «парщиковской школой», но это название, разумеется, только один лишь аспект этого «странного» или «подземного» течения нашей литературы, которое образовалось примерно лет двадцать пять назад и с тех пор выходит на поверхность в тот момент — каждый раз — когда литература претерпевает то, что Шкловский обозначил словосочетанием «автоматизация приема». То есть стиль этой школы, его

установка есть означаемое новизны, причем новизны как таковой, так сказать «эссенциалистски» понятой. Настораживает Е. Вежлян лишь то, что состав авторов этого сборника вполне предсказуем. То есть эта новизна не подкреплена чем-то чего не было бы в литературе до того как, чем-то, что только бы в литературу входило...